

СВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

Муращенкова Н. В. (г. Смоленск, Россия),

Гриценко В. В. (г. Москва, Россия),

Ефременкова М. Н. (г. Смоленск, Россия)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта №20-013-00156 «Социально-психологическое
пространство эмиграционных намерений молодежи:
кросс-культурный анализ»*

Определение характера связи социально-психологического капитала и эмиграционных намерений молодежи является частью более общего актуального направления научных исследований, ориентированных на выявление психологических детерминант эмиграционных интенций личности [3]. Высокий уровень эмиграционной активности молодежи в странах как с низким, так и с высоким уровнем дохода, ставит под сомнение доминанту экономической составляющей мотивации потенциальных эмигрантов и стимулирует обращение к анализу вероятных психологических факторов соответствующего поведения.

По официальным данным, в 2019 году из России в другие страны переехали 416131 человек, из которых 336747 (81%) – это люди трудоспособного возраста [2]. В 2018 году официальное число эмигрантов из России составило 440831 человек, из которых более 41% – это лица в возрасте от 20 до 34 лет [1]. Таким образом, проблема сохранения человеческого капитала (особенно образованной молодежи) на уровне страны является для России довольно актуальной на данный момент. В свою очередь, знание психологических детерминант эмиграционных намерений

молодых людей значительно расширяет возможности прогнозирования и профилактики их эмиграционной активности.

Эмиграционные намерения рассматриваются нами с позиции теории планируемого поведения А. Айзена [10; 12]. Эта концепция – одна из наиболее эмпирически подтвержденных на примерах самых разных типов поведения [4]. По А. Айзену, намерение – это фактор готовности личности к определенному поведению. Чем сильнее намерение – тем больше вероятность того, что человек реализует поведение. По результатам зарубежных исследований [18; 19], эмиграционное поведение объясняется намерениями в среднем в 30-34% случаев. При этом отмечается важность изучения именно эмиграционных намерений для понимания самого процесса принятия решения об эмиграции [18; 19].

В рамках изучения психологических факторов эмиграционной активности молодежи особый интерес представляет связь эмиграционных намерений с компонентами социально-психологического капитала (СПК), который рассматривается как «системно организованный и сбалансированный ресурс социально-психологических отношений личности к обществу в целом и к своему непосредственному окружению, основанный на доверии и способствующий повышению субъективного благополучия и адаптированности личности в обществе» [5, с. 79]. Элементами интегрирующего СПК личности выступают гражданская идентичность, межэтническая толерантность, макросоциальное и микросоциальное доверие [5]. Компонентами консолидирующего СПК являются воспринимаемая поддержка со стороны друзей и родственников, а также готовность к участию в деятельности различных объединений [5].

Несмотря на то, что в современной отечественной психологии работы, раскрывающие психологические факторы эмиграционных намерений молодежи, встречаются не часто, эмпирические данные о характере связи отдельных компонентов интегрирующего СПК с эмиграционными намерениями молодежи представлены. Так в исследовании, проведенном

С.В. Чувашовым и А.Н. Татарко [7; 8], анализируется связь гражданской идентичности и институционального доверия (как компонентов СПК) с эмиграционными намерениями молодежи. Отмечается, что не выявлено прямого влияния этих переменных на *намерение* эмигрировать, однако обнаружена отрицательная связь гражданской идентичности и институционального доверия с эмиграционной *установкой* [7; 8] (одним из факторов, влияющих на эмиграционное намерение, с позиции теории А. Айзена [10; 12]). То есть, чем более выражены гражданская идентичность и доверие к социальным институтам, тем негативнее молодежь относится к эмиграции. В представленной модели не отражен характер связи эмиграционного намерения с такими компонентами интегрирующего СПК как макросоциальное и микросоциальное доверие и межэтническая толерантность. То есть, вопрос в отношении влияния этих элементов СПК на эмиграционное намерение остается открытым.

Обратимся к анализу иностранных научных работ соответствующей тематики. Проведенный обзор зарубежных исследований психологических факторов эмиграционных намерений [3] показал, что существует связь между гражданской идентичностью и эмиграционными намерениями: чем более выражена гражданская идентичность, тем менее выражены эмиграционные намерения [15] и наоборот – высокая неопределенность гражданской идентичности усиливает намерения эмигрировать [14]. Нам не удалось обнаружить зарубежных научных исследований, раскрывающих характер связи макросоциального, микросоциального доверия и межэтнической толерантности с эмиграционными намерениями. Однако, встретились работы, описывающие связь эмиграционной активности с таким феноменом, как космополитизм [13], понимаемый как сознательная открытость миру и культурным различиям, готовность к взаимодействию с «другими» [17]. Космополитизм выступает предиктором готовности индивидов к работе за рубежом [13]. А значимую роль в эмиграционной активности молодежи играют такие его проявления, как культурная гибкость, культурная

чувствительность [13], а также уровень доверия к другим религиям и национальностям [11]. Таким образом, описанные результаты позволяют выдвинуть предположение о характере связи макросоциального доверия и межэтнической толерантности с эмиграционными намерениями молодежи.

Целью нашего эмпирического исследования стало определение характера связи эмиграционных намерений и компонентов интегрирующего СПК молодежи. По примеру исследования С.В. Чувашова и А.Н. Татарко [7; 8], наряду с макросоциальным и микросоциальным доверием в модель интегрирующего СПК мы включили и институциональное доверие (в изначальной структуре интегрирующего СПК, предложенной А.Н. Татарко в диссертационном исследовании, институциональное доверие не отмечено как отдельный элемент [5]). Основываясь на результатах анализа отечественных и зарубежных исследований в области выявления психологических факторов эмиграционных намерений, мы предположили следующий характер связи интегрирующего СПК и эмиграционных намерений молодежи: росту эмиграционных намерений молодежи будут способствовать низкий уровень гражданской идентичности, микросоциального и институционального доверия (как индикаторы отношения к стране проживания и ее гражданам) в сочетании с выраженной межэтнической толерантностью и макросоциальным доверием (как ресурсами, помогающими реализовывать эмиграционное поведение, связанное с необходимостью общения и взаимодействия с представителями других народов, культур и т.д., в том числе на начальном этапе – этапе формирования эмиграционных намерений).

Для проверки данного предположения было проведено эмпирическое исследование. Выборку составили студенты четырех ВУЗов Смоленска: 136 девушек и 119 юношей в возрасте от 17 до 24 лет (медиана и средний возраст – 19 лет). Большинство считают себя русскими (86,27%). Выбор Смоленской области для проведения эмпирического исследования обусловлен ее приграничным положением и низкими показателями социально-

экономического развития как потенциальными факторами выраженности эмиграционных намерений у населения.

Исследование проводилось в форме очного анонимного анкетирования. Для оценки гражданской идентичности использовалась методика С. Роккаса [16]. Межэтническая толерантность определялась с помощью шкалы оценки толерантности к иноэтничному (инокультурному) окружению, разработанной и апробированной Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко [6]. Макросоциальное, институциональное и микросоциальное доверие выявлялись с помощью вопросов из Опросника World Values Survey [5].

Эмиграционные намерения, в соответствии с теорией планируемого поведения А. Айзена и разработанными им принципами построения методик [10; 12], оценивались с помощью трех вопросов/утверждений (α -Кронбаха=0,861): А1 – «Насколько вероятно, что Вы эмигрируете из России в течение пяти ближайших лет?» (шкала ответов: от 1 – «совершенно невероятно» до 6 – «очень вероятно»); А2 – «Я хотел(а) бы начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет» и А3 – «Я собираюсь начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет» (шкалы ответов: от 1 – «абсолютно не согласен(на)» до 6 – «абсолютно согласен(на)»). Пол, возраст, место и направление обучения, национальность и доход респонденты указывали самостоятельно.

Оценка характера связи компонентов СПК молодежи с эмиграционными намерениями производилась с помощью метода моделирования структурными уравнениями (SEM). Эмиграционное намерение (зависимая переменная) моделировалось как латентный фактор, представленный тремя измеренными на выборке студентов переменными. Компоненты интегрирующего СПК выступили в модели предикторами. При тестировании модели проводился контроль социально-демографических переменных: пола, возраста, дохода.

Построенная модель имеет хорошие индексы пригодности: $\chi^2=14,552$, $df=10$, $CMIN/DF=1,455$, $p=0,149$, $CFI=0,993$, $RMSEA=0,042$, $PCLOSE=0,558$.

Все вопросы/утверждения, оценивающие эмиграционные намерения, входят в латентный конструкт со статистически значимыми нагрузками (рис.).

Выдвинутая гипотеза подтвердилась частично. Обнаружена отрицательная связь эмиграционного намерения с гражданской идентичностью ($\beta=-0,14$, $p=0,040$), микросоциальным ($\beta=-0,20$, $p=0,004$) и институциональным доверием ($\beta=-0,26$, $p=0,000$), а также положительная связь с межэтнической толерантностью ($\beta=0,16$, $p=0,011$). Статистически значимой связи макросоциального доверия и эмиграционного намерения обнаружено не было ($\beta=0,13$, $p=0,062$).

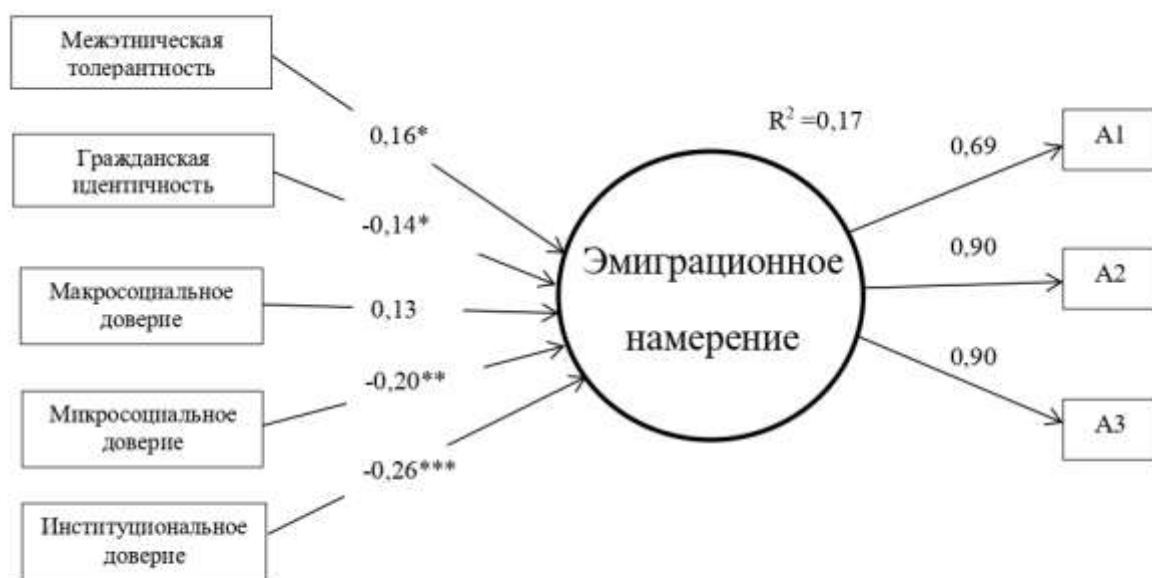

Рис. Модель связи компонентов социально-психологического капитала молодежи с эмиграционными намерениями при контроле социально-демографических переменных (пол, возраст, уровень дохода): А1 – «Насколько вероятно, что Вы эмигрируете из России в течение пяти ближайших лет?», А2 – «Я хотел(а) бы начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет», А3 – «Я собираюсь начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет»; * – $p<0,05$, ** – $p<0,01$, *** – $p<0,001$ (уровни значимости различий).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эмиграционные намерения присущи студентам с различным уровнем макросоциального

доверия, а *росту* эмиграционных намерений способствуют низкий уровень отождествления себя с гражданами страны проживания, низкий уровень доверия ближайшему социальному окружению, социальным институтам и органам власти, а также высокая степень готовности к контактам с представителями других народов и культур.

Таким образом, в результате проведенного эмпирического исследования не выявлено отрицательного влияния *всей* системы интегрирующего СПК на эмиграционные намерения молодежи. Не обнаружено связи макросоциального доверия с намерениями молодежи эмигрировать. Однако выявлено разнонаправленное влияние отдельных элементов интегрирующего СПК на эмиграционные намерения, что свидетельствует о сложности и неоднозначности связи данных психологических феноменов: в структуре СПК присутствуют элементы как препятствующие, так и способствующие развитию эмиграционных намерений. Данный факт требует дальнейшего углубленного изучения специфики связи эмиграционных намерений и СПК молодежи. Особенности выборки выступают ограничением нашего исследования. Сделанные выводы применимы лишь к студенческой молодежи Смоленского региона, экстраполяция полученных результатов на всех российских студентов в данном случае невозможна. В связи с этим в дальнейшем планируется изучение характера связи компонентов интегрирующего СПК с эмиграционными намерениями студентов из других регионов России, а также Беларуси и Казахстана.

Библиографический список:

1. Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году» – выпуск 2019 г. (опубликовано 28.06.2019) [Электронный ресурс] // URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 23.02.2021).
2. Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году» – выпуск 2020 г. (опубликовано 03.07.2020) [Электронный

ресурс] // URL: http://gks.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (дата обращения: 23.02.2021).

3. Муращенкова Н.В. Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи (обзор зарубежных исследований) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2021. – Т. 18. – №1.

4. Рассказова Е.И., Иванова Т.Ю. Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема «разрыва» между намерением и действием // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – Т. 12. – №1. – С. 105-130.

5. Татарко А.Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе: дисс... д-ра психол. наук. – М.: Институт психологии РАН, 2015. – 402 с.

6. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 163 с.

7. Чувашов С.В. Социально-психологический капитал как фактор эмиграционных намерений молодежи // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – №2. – С. 169-177.

8. Чувашов С.В., Татарко А.Н. Взаимосвязь социально-психологического капитала и эмиграционных намерений // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире. Материалы 2-й Международной научно-практической конференции г. Пенза, 27–28 февраля 2014 года. Ответственный редактор В.В. Константинов. – М.: Издательство «Перо», 2014. – С. 187-193.

9. Ajzen I. Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. // URL: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf>.

10. Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. Vol. 50 (2). P. 179-211.

11. Berlinschi R., Harutyunyan A. Do Migrants Think Differently? Evidence from Eastern European and Post-Soviet States // *International Migration Review*. 2019. Vol. 53. No. 3. Pp. 831–868. <https://doi.org/10.1177/0197918318777745>.
12. Fishbein M., Ajzen I. *Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach*. N.Y.: Psychology Press, 2010.
13. Froese F.J., Jommersbach S., Klautzsch E. Cosmopolitan career choices: a cross-cultural study of job candidates' expatriation willingness // *International Journal of Human Resource Management*. 2013. Vol. 24. No. 17. Pp. 3247-3261. <https://doi.org/10.1080/09585192.2013.770782>.
14. Jung J., Hogg M.A., Livingstone A.G., Choi H. From uncertain boundaries to uncertain identity: Effects of entitativity threat on identity-uncertainty and emigration // *Journal of Applied Social Psychology*. 2019. Vol. 49. No. 10. Pp. 623–633. <https://doi.org/10.1111/jasp.12622>.
15. Marrow H., Klekowski von Koppenfels A. *Modeling American Migration Aspirations: How Capital, Race, and National Identity Shape Americans' Ideas about Living Abroad* // *International Migration Review*. 2020. Vol. 54. No. 1. Pp. 83-119. <https://doi.org/10.1177/0197918318806852>.
16. Roccas S. *The effects of group and individual characteristics and their interaction on identification with groups*. Unpublished doctoral dissertation. Jerusalem: The Hebrew Univ. of Jerusalem. 1997.
17. Skrbis Z., Kendall G., Woodward I. *Locating Cosmopolitanism: Between Humanist Ideal and Grounded Social Category* // *Theory, Culture, and Society*. 2004. Vol. 21. No. 6. Pp. 115–136. <https://doi.org/10.1177/0263276404047418>.
18. Van Dalen H., Henkens K. Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands, 2005-10 // *Population Studies*. 2013. Vol. 67. No 2. Pp. 225-241. <https://doi.org/10.1080/00324728.2012.725135>.
19. Williams A.M., Jephcote C., Janta H., Li G. The migration intentions of young adults in Europe: A comparative, multilevel analysis // *Population, Space and Place*. 2018. Vol. 24. No. 1. Pp. 1–16. <https://doi.org/10.1002/psp.21238>.